

А. Мальцев

История экономических учений, Quo vadis?

В статье констатируются признаки потери интереса экономистов к изучению истории экономической мысли и анализируются причины, по которым эта дисциплина оказалась на периферии исследовательских предпочтений мейнстрима. Показано, что история экономической мысли постепенно уходит из сферы «чистой» экономической науки и все больше сближается с другими гуманитарными дисциплинами. Результаты анкетирования студентов и аспирантов ведущих российских экономических вузов подтверждают выявленный тренд. Для сохранения истории экономической мысли в программах подготовки экономистов требуется углубить ее интеграцию с другими социальными науками.

Ключевые слова: история экономических учений, экономическое образование, позитивизм, структура современной экономической науки.

JEL: B10, B40.

Вторая половина XX в. стала непростым временем для профессии историка экономических учений. Наблюдалась потеря интереса к предмету, все громче звучали призывы выдворить специалистов в области истории экономических учений (ИЭУ) за пределы факультетов экономики. Точка зрения Ж.-Б. Сэя, еще в 1829 г. признавшего «бессмысленным и обременительным эксгумировать ...нелепые мнения и дискредитированные доктрины прошлого» (цит. по: Theocarakis, 2014. Р. 12), стала мейнстримом.

Между тем в последние годы многие авторитетные экономисты заговорили о необходимости «восстановить в правах» историю экономической мысли и больше прислушиваться к историкам (Skidelsky, 2009; DeLong, 2011; Thoma, 2011; Sen, 2012). Одновременно активизировалась дискуссия о перспективах дальнейшего развития и дисциплинарном статусе ИЭУ. Большинство специалистов в области истории экономической мысли по-прежнему рассматривают ИЭУ как неотъемлемую составляющую экономической теории. В их интерпретации главная задача

Мальцев Александр Андреевич (almalzev@mail.ru), к. э. н., доцент кафедры мировой экономики Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург).

ИЭУ — оставаться «приправой к современному экономическому анализу ...предназначенной для придания исторического „привкуса“ моделям» (Marcuzzo, 2008. Р. 110). В меньшинстве пока остаются ученые, призывающие к выходу ИЭУ за рамки экономики путем интеграции данной дисциплины с историей, социологией, философией. Главный аргумент приверженцев подобных воззрений состоит в том, что «делая акцент на развитии техники в экономической теории, экономисты потеряли способность мыслить исторически и больше не будут поддерживать духовное родство с историей экономической науки» (Schabas, 1992. Р. 197). По мнению этих исследователей¹, историкам экономической мысли следует дистанцироваться от экономистов и сформировать собственный предмет изучения, для чего необходимо объединить усилия с представителями гуманитарных наук для реконструкции развития ИЭУ с учетом хозяйственного, институционального, исторического и культурного контекстов, в которых возникла та или иная экономическая теория.

В данной статье на основе анализа современной ситуации в области исследований ИЭУ показано, что история экономической мысли, сохраняя свою связь с экономической теорией, *уже* уходит из сферы «чистой» экономики и все больше сближается с другими общественно-научными дисциплинами. Эту мысль подтверждают итоги проведенного в ноябре—декабре 2014 г. анкетирования студентов и аспирантов ведущих экономических вузов России по вопросу об их отношении к ИЭУ. Результаты опроса позволили выявить две главные тенденции. С одной стороны, подавляющая часть опрошенных, в целом признавая ИЭУ важной для современного экономиста дисциплиной, считают хорошую осведомленность в области истории экономической мысли наименее нужной компетенцией. С другой — большинство (9/10) убеждены в необходимости контекстуализации ИЭУ.

В совокупности эти выводы позволяют нам высказать следующее предположение. Историю экономических учений нужно рассматривать и преподавать не только и не столько как «просто историческое продолжение экономической теории» (Goodwin, 2008). С нашей точки зрения, ИЭУ следует вернуться к традиции Й. А. Шумпетера предпосылать «истории (экономического. — А. М.) анализа изложение ее чрезвычайно широко понимаемого контекста» (Автономов, 2001. С. X). Мы убеждены, что без тесного сотрудничества с гуманитарными дисциплинами ИЭУ обречена на дальнейшую периферизацию. Только занявшись «историческими реконструкциями», то есть рассматривая теории прошлого «с учетом обстоятельств времени и места» (Weintraub, 2001. Р. 280), историки экономической мысли смогут избежать «ухода в тень» и сделать свой предмет привлекательным для экономистов и других исследователей.

Признаки периферизации истории экономических учений

Скептическое отношение экономистов к изучению истории экономической мысли стало оформляться, по-видимому, еще со второй

¹ Подробнее см.: Майдачевский, 2011.

половины 1930-х годов, когда Дж. Хикс и Д. Робертсон вслед за А. Пигу, который «не читал ничего по истории экономической мысли» и бравировал нежеланием знать что-либо «о теориях мертвых авторов» (Роббинс, 2013. С. 395), высказали идею, что «нет никакого смысла тратить время на чтение экономистов-классиков» (Roncaglia, 2014. Р. 1). В послевоенный период эта точка зрения постепенно стала доминирующей. «Для освоения современной экономической теории не нужно заниматься... экономическими теориями прошлого», — утверждал в 1969 г. Дж. Стиглер (цит. по: Stigler, 1982. Р. 107). К началу 1980-х годов специалистов в области истории мысли стали считать маргиналами-неудачниками, которые попросту «недостаточно умны для занятия экономической теорией» (Kurz, 2006. Р. 469). В итоге идиосинкразия в отношении ИЭУ (смысл которой, пожалуй, лучше всего сформулировал М. Блауг: «Никакой истории идей, пожалуйста, мы экономисты») вылилась в устойчивую «клиофобию», ставшую одной из отличительных черт современного мейнстрима (Blaug, 2001).

Впрочем, как справедливо замечает Э.Р. Вайнтрауб, «то, что история экономической теории не ценится большинством экономистов, — далеко не новость» (Weintraub, 2007. Р. 267). Поэтому важно рассмотреть, в чем конкретно проявляется «забвение» ИЭУ. С нашей точки зрения, здесь можно выделить несколько ключевых моментов.

Во-первых, обращает на себя внимание практически повсеместное исключение ИЭУ из перечня предметов, обязательных к изучению студентами-экономистами. Так, в Лондонской школе экономики и политических наук история мысли перестала быть таковой в первой половине 1960-х годов. В начале 1970-х годов аналогичные изменения произошли в сетке расписания некоторых австралийских университетов (Corry, 2000. Р. 68; Groenewegen, 2003. Р. 116). К началу 2000-х годов лишь 4 из 20 ведущих экономических факультетов США предлагали аспирантам курсы по ИЭУ (Ashenfelter, 2011. Р. 10). Причем в настоящее время среди наиболее престижных американских вузов история экономической мысли читается только в Университете Дьюка и (с осени 2012 г.) в Гарварде (Weintraub, 2007; Caldwell, 2013. Р. 765).

Во-вторых, участились попытки поставить под сомнение принадлежность историков мысли к экономической науке. В частности, в 2007 г. большой резонанс вызвало решение Австралийского бюро статистики переместить ИЭУ из категории «Экономические науки» в раздел «История, археология, религия и философия», которое с большим трудом удалось предотвратить благодаря вмешательству целого сонма авторитетов (Lodewijks, 2014). В 2011 г. примеру австралийцев решил последовать Европейский исследовательский совет, предложивший — правда, с тем же результатом — перенести историю экономических учений в раздел знаний, относящихся к группе «Исследования человеческого прошлого: археология, история и память» (Kates, 2014).

В-третьих, «зачистка» экономической теории от исторических «наслоений» не ограничивается стремлением реклассифицировать отдельные разделы экономической науки. Так, весьма чувствительный удар по профессии историков экономической мысли нанесло временное изъятие в 2005 г. ведущего журнала «History of Political Economy»

из системы цитирования Social Science Citation Index. Бурю негодования вызвал в первую очередь тот факт, что это произошло именно с дисциплиной, не способной похвастать большим количеством индексируемых в SSCI журналов, тогда как «индексация в SSCI... есть вопрос выживания», от которого зависит индекс цитирования автора и соответственно продление контракта с факультетом и продвижение вверх по карьерной лестнице (Kurz, 2006. Р. 464). Кроме того, специализированные журналы в области ИЭУ «невысоко ценятся деканами» (Blaug, 2001. Р. 147), которые считают их «не имеющими никакого значения, так как они не способствуют развитию экономической теории» (Lee, 2006. Р. 7). Этот подход нашел отражение в серии науко- и библиометрических публикаций, посвященных исследованию значимости и репутации журналов по экономике, где издания по истории экономической науки исключены из рассмотрения (Lovell, 1973; Brauningер, Наусар, 2003).

В-четвертых, ИЭУ слабо представлена в авторитетной экономической периодике. Скажем, расчеты Я. Жиро и П.Г. Дуарте показали, что в 1991—2011 гг. на долю работ, подпадающих под JEL код «История экономической мысли, методология и гетеродоксальные подходы», пришлось лишь 5% суммарного количества статей, опубликованных в восьми наиболее значимых журналах², а за вычетом рецензий, интервью, биографий, некрологов и комментариев эта цифра составила скромные 2% (Giraud, Duarte, 2014. Р. 7). В то же время в современном научном сообществе прочно укоренилась практика оценивать репутацию ученого по числу его публикаций в престижных изданиях. Это создает дополнительные трудности для специалистов в области истории экономической мысли с «демонстрацией своей полезности» перед коллегами и руководством и ведет к еще большей провинциализации и самоизоляции их отрасли знания (Boettke et al., 2014).

В-пятых, замедлились темпы воспроизводства кадров историко-экономического профиля. Его во многом вызвали невысокие (по сравнению с другими разделами экономики) карьерные перспективы. Если в 1984—1989 гг. в США и Канаде в среднем ежегодно защищалось 8,8 работ на соискание докторской степени по экономической мысли и методологии (Aslanbeigui, Naples, 1997. Р. 132), то в 2007—2012 гг. — только 3 диссертации³. Далеко не случайно, что в последние годы старшие коллеги начали рекомендовать начинающим исследователям ИЭУ — с целью сохранить конкурентоспособность — получить дополнительные компетенции в других научных сферах. «Я никому не посоветую, — говорил в 2006 г. в своем выступлении на ежегодной конференции Европейского общества по истории экономической мысли его президент Х. Курц, — начинать свою академическую карьеру *только* в качестве историка экономической мысли. Мне кажется, будет гораздо безопаснее иметь „вторую“ ногу в экономике» (Kurz, 2006. Р. 464).

² К таким изданиям ученые отнесли: American Economic Review, Econometrica, Journal of Political Economy, Quarterly Journal of Economics, Review of Economic Studies, Economic Journal, Journal of Economic Literature и Journal of Economic Perspectives.

³ Рассчитано по: Doctoral Dissertations in Economics (Journal of Economic Literature за соответствующие годы).

Причины потери интереса экономистов к истории экономической мысли

Главная причина «клиофобии» современных экономистов, по всей видимости, кроется в позитивистском настрое, свойственном «основному течению» экономической науки (Caldwell, 2013). С точки зрения современных исследователей (Alvey, 2005), позитивизм в экономике означает следующее. Во-первых, экономисты считают себя учеными в том смысле, в каком учеными являются биологи, физики и математики (Полтерович, 2011. С. 103). Во-вторых, экономисты применяют научную методологию и технику анализа или, проще говоря, «используют математику в качестве языка, а физику в качестве образца для подражания» (Szenberg et al., 2006. Р. 1). В-третьих, экономисты для соответствия критериям научности, принятым в точных науках, придерживаются курса на интеллектуальную автономию от таких «отсталых» предметов, как история и философия, которые не могут вывести «универсальные законы, как математика или механика» (Emmett, 1999. Р. 28).

Истоки подобных представлений отдельные специалисты усматривают в трудах А. Смита, который трансплантировал в экономику принцип механицизма, постулирующий детерминированность явлений окружающего мира и исключаящий какую-либо случайность (Henderson, Samuels, 2004. Р. 51). Другие считают У. Джевонса и Л. Вальраса главными фигурами, еще больше сблизившими экономику и физику и усилившими влияние в экономической теории позитивистских тенденций. В частности, профессор университета Нотр-Дам (США) Ф. Мировски утверждает, что стараниями именно этих двух деятелей маржиналистской революции «экономическая теория присвоила себе целиком физику середины XIX в.» (Майровски, 2012. С. 105)⁴, после чего значительная часть экономистов стала ощущать себя представителями социальной физики, «чьи законы точно такие же, как в физике, и, будучи однажды признаны верными, верны всегда» (McLure, 2001. Р. 69).

Впрочем, нужно отметить, что противостояние условных «лириков» условным «физикам» от экономики продолжалось вплоть до конца 1940-х годов. Еще в 1930-е годы, по образному сравнению Д. Макклоски, подавляющая часть экономистов «оставалась математически невинной», в «American Economic Review практически не встречались уравнения, а предпосылки не подвергались формализации» (McCloskey, 1998. Р. 139). Ситуация начала стремительно меняться во второй половине XX в., на что в немалой степени повлияли Вторая мировая война и изменение политического ландшафта мирового хозяйства.

В годы войны экономистов начали активно привлекать к работе над оборонной тематикой. Вместе с физиками и математиками им приходилось прорабатывать вопросы выбора оптимальных маршрутов атлантических конвоев, организации противовоздушной и противолодочной обороны, налаживания системы контроля качества военной продукции, а также заниматься решением широкого круга других тактико-стратегических задач. В таком контексте популярная гипотеза о том, что перевод

⁴ В цитируемой статье фамилия автора ошибочно транскрибирована как «Майровски». — Примеч. ред.

послевоенной экономической теории на математические «рельсы» был следствием вынужденного «скрещивания» экономики с точными науками в годы Второй мировой войны, кажется весьма правдоподобной (Weintraub, 2012).

Мощный импульс математизации экономических дисциплин придало создание в ходе разработки ядерного оружия в рамках Манхэттенского проекта электронных вычислительных машин, предоставивших экономистам возможность проводить чрезвычайно сложные расчеты и активно использовать теорию игр, оптимизационные методы и другие разделы прикладной математики. В послевоенный период эти разработки, не утратив своей актуальности, все активнее стали использоваться военными в набиравшем силу биполярном конфликте. В частности, Министерство обороны США всемерно поощряло формализованные направления экономического анализа, которые, «как считалось, обладали потенциальной значимостью для национальной обороны и безопасности» (Fourcade, 2009. Р. 87). Разумеется, Пентагон не собирался оплачивать изыскания, не соответствующие «военно-утилитарной» теме. Это лишало ИЭУ тугого «военного кошелька» (Mirowski, 2005).

От оборонных ведомств не отставали гражданские структуры и бизнес, видевшие в математизированной экономической теории мощное идеологическое оружие, призванное аргументировать превосходство капиталистического уклада над социалистическим типом хозяйствования. Логiku рассуждений американского истеблишмента в этом плане, пожалуй, лучше всего объясняет доцент университета штата Огайо С. Амадеи. По ее мнению, математизация общественных наук в целом и экономической науки в частности при помощи «„научного“, то есть ненормативного и количественного анализа» выполняла функцию доказательства преимущества западных ценностей — индивидуализма и демократии — над свойственными советскому строю авторитаризмом и коллективизмом.

Данное утверждение, на наш взгляд, заслуживает дополнительных пояснений. Представляющим себе послевоенный накал холодной войны понятно, почему ни частный, ни государственный сектор США и государств Западной Европы не жалели средств на «преодоление коммунистической теории... путем соединения индивидуализма и рационального своекорыстия и переложения этой комбинации на точный язык математики» (Amadae, 2003. Р. 157–159). Напротив, ИЭУ, занимающаяся изучением многочисленных школ и течений экономической мысли, во многом альтернативных господствующим воззрениям, рассматривалась как «троянский конь, призванный проникнуть в западную культуру с антикапиталистическими идеями» (Roncaglia, 2014. Р. 2), что, естественно, не позволяло ее представителям претендовать на финансовую благосклонность бизнеса и правительств.

Однако снижение статуса ИЭУ предопределялось не только идеологическими обстоятельствами. Здесь самое время отметить другую важную отличительную черту позитивизма — уверенность в *кумулятивном характере знания* (Bhaskar, Lawson, 1998. Р. 5). Это означает, что все достижения прошлого уже хорошо известны современникам и воплощены в последних по времени трудах. Следовательно, знание истории своей науки не только несущественно, но и может быть вредно для ее дальнейшего прогресса, поскольку мешает исследователю сосредоточиться на изучении текущих явлений. Предельно четко эту мысль сформулировал известный британский математик А. Н. Уайтхед: «Наука, которая не отваживается забыть своих основателей, погибла» (цит. по: Kurz, 2006. Р. 466), то есть чем более зрелой в научном плане становится дисциплина, тем меньше внимания она должна уделять своему прошлому.

В свою очередь, экономисты, превратившись к середине XX столетия в представителей «настоящей» науки, теперь могли, подобно физикам, «полагать, что современные учебники или трактаты... будут включать в себя все наиболее важные прошлые и настоящие завоевания в этой

области» (Ravner, 2010. P. 55). При такой постановке вопроса история экономической мысли действительно являла собой рудимент «донаучного» прошлого экономики, которая не заслуживает лучшей доли, чем находиться в антикварной лавке. Для ИЭУ математический «переворот» означал, что теперь мейнстрим начал рассматривать эволюцию экономического знания не как процесс неких концептуальных приращений, а как постепенное улучшение техники анализа. «Я считаю прогресс ... в экономической теории, — писал Р. Лукас, — вещью исключительно технической ... усовершенствование математических формулировок, улучшение данных, оттачивание методов их обработки» (цит. по: Kurz, 2013. P. 57). Следовательно, «сказанное Маршаллом и Найтом больше не являлось актуальным ... и исторические аспекты начали исчезать из экономического анализа» (Weintraub, 2007), потому что, как заметил Лукас, «экономическая теория — это математический анализ. Все остальное — просто картинки и болтовня» (цит. по: Mirowski, 2012. P. 159).

Подобное отношение к «остальному» прочно закрепилось в сознании современных исследователей. Например, председатель Совета экономических консультантов при Дж. Буше-младшем Г. Мэнкью, отвечая на вопрос студента о том, читал ли он «Человеческую деятельность», признался, что не знаком с трудами Л. фон Мизеса. Экономист объяснил это тем, что «книги, написанные двадцать или тридцать лет назад, обычно не имеют значения» (Mankiw, 2006). П. Кругман также солидарен со своим гарвардским коллегой: «Практикующий экономист может обратиться к чтению старых книг ради развлечения, но не как к авторитетному источнику... Экономика — это наука, а не талмудическая ученость» (Krugman, 2012). Еще четче отношение к ИЭУ сформулировал профессор Нью-Йоркского университета П. Ромер: «Я бы назвал поклонение предкам (то есть изучение теорий прошлого. — А. М.)... непродуктивным занятием» (цит. по: Laidler, 2001. P. 2).

Современная ситуация в истории экономических учений

На первый взгляд такая риторика, исходящая из уст людей, формирующих облик современного мейнстрима, в сочетании с продемонстрированными выше симптомами охлаждения интереса экономической науки к своему прошлому должны заставить поверить профессору Ольденбургского университета Х.-М. Траутвайну, утверждающему, что «поколение ученых, которые еще знали и могут научить истории экономической мысли, вымирает», и предрекающему скорое окончательное забвение ИЭУ⁵. Безусловно, нельзя не признать, что эта дисциплина столкнулась с непростыми вызовами, но ее «похороны» кажутся нам преждевременными. Более того, в последние десятилетия ИЭУ демонстрирует стремительное развитие, правда в другом дисциплинарном ключе.

В самом деле, вплоть до середины XX в. историки экономической мысли «даже не думали о своей области знаний как об отдель-

⁵ <http://rwer.wordpress.com/2011/03/24/the-end-of-history-in-economics/>.

ной дисциплине внутри экономической теории и не видели причин собирать собственные конференции и организовывать ассоциации» (Goodwin, 2008). Однако уже в 1970-е годы, после окончательной победы «позитивистской революции» (Boettke, 2001. Р. 236) в экономической теории ситуация полностью изменилась. В 1974 г. образовалось Американское общество истории экономической науки, в 1981 и 1995 гг. — Австралийское и Европейское общества истории экономической мысли⁶.

Аналогичная картина сложилась и в сфере профессиональной периодики. Например, еще в 1960-е годы Л. Роббинс утверждал, что его ученики будут публиковаться лишь в мейнстримных журналах ввиду отсутствия качественных специализированных изданий в сфере ИЭУ⁷, но уже к первой половине 1980-х годов появляется значительное количество профессиональных журналов. Так, в 1969 г. появился первый профильный журнал по ИЭУ — *History of Political Economy*, в 1973 г. — *History of Economics Review*, в 1983 г. — *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, в 1990 г. — *Journal of the History of Economic Thought*, с 1993 г. издаются *European Journal of the History of Economic Thought* и *History of Economic Ideas* (Blaug, 2001. Р. 145—146).

Одновременно значительно возросло число специалистов, занимающихся исследованиями по истории экономических учений. Скажем, если в 1974 г. в первой ежегодной конференции Американского общества истории экономической науки приняли участие 50 экспертов (Blaug, 2001. Р. 146), то в 2013 г. на аналогичном мероприятии свои доклады представили более 100 спикеров⁸. Общее количество активно работающих в зарубежных странах историков экономической мысли увеличилось с примерно 500—600 человек в начале 1990-х годов (Blaug, 2001. Р. 146) до более 1000 в середине 2000-х (Goodwin, 2008). Еще больше расширилась публикационная активность в сфере ИЭУ. В частности, в электронном репозитории Munich Personal RePec Archive насчитывается 29 работ по «Истории экономической мысли, методологии и гетеродоксальным подходам», датированных 2003 г., а вышедших в свет в 2013 г. — 207⁹.

Представленная выше статистика заставляет задуматься как минимум о двух вещах. С одной стороны, не совсем понятен трагизм предсказаний о скором наступлении «конца истории экономических учений», с другой — не ясно, учитывая скептическое отношение мейнстрима к данной дисциплине, кто в настоящее время выступает генератором научного поиска в ИЭУ. Для прояснения ситуации с особенностями современного этапа ее эволюции мы предлагаем рассмотреть дисциплинарную генеалогию и научную аффилиацию современных историков экономической мысли и определить дисциплинарную принадлежность читателей профильных журналов в рассматриваемой

⁶ <http://www.eshet.net/index.php?a=15>.

⁷ <http://hope.econ.duke.edu/node/49>.

⁸ http://www.historyofeconomics.org/ConferenceArchive/HESConference2013_Program.pdf.

⁹ Рассчитано по: URL <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/view/subjects/B.html>.

области. В рамках статьи дать развернутый анализ по сути поставленных вопросов практически невозможно. Поэтому ограничимся принципиальными положениями.

К сожалению, установить научную специализацию и текущее место работы нескольких сотен современных авторов в области ИЭУ по техническим обстоятельствам крайне затруднительно. Поэтому, несколько сузив поле исследования, мы решили «ограничиться» участниками 40-й ежегодной конференции Американского общества истории экономической науки, проведенной в университете Британской Колумбии 20–22 июня 2013 г., где презентовали свои наработки исследователи со всего мира. В общей сложности докладчиками, руководителями секций и организаторами этого мероприятия выступили 126 специалистов. Главным источником информации для нашего аналитического обобщения были CV исследователей, размещенные на сайтах аффилированных с ними организаций. В случае отсутствия резюме или неполноты сведений поиск осуществлялся в социальной сети LinkedIn, в журнальных статьях и т. д.

Проведенный анализ выявил главное: практически треть (29,4%) современных исследователей ИЭУ (в нашем конкретном примере — 37 участников конференции) обладают учеными степенями и/или готовятся к их получению *не* в сфере экономики. Почти половина из этой подгруппы (в нашей выборке — 17 участников) — доктора наук по философии и/или слушатели программ PhD в данной сфере. Помимо философов, ИЭУ занимаются историки (5,6%), литературоведы и эксперты в области политологии и государственного управления (по 2,4%). Кроме того, на выбранной нами для проведения системной выборки конференции выступили по одному доктору философии в области обществоведения, педагогики, мировой экономики, медицины, урбанистики, а также магистр электротехники и обладатель двойной — экономика и международное экономическое право — степени PhD (рис. 1). Серьезное присутствие «неэкономистов» на одном из важнейших мероприятий в области истории экономической мысли указывает на то, что все больше исследователей прошлого экономической науки

**Научная специализация участников конференции
Американского общества истории экономической науки, 2013 г. (в %)**

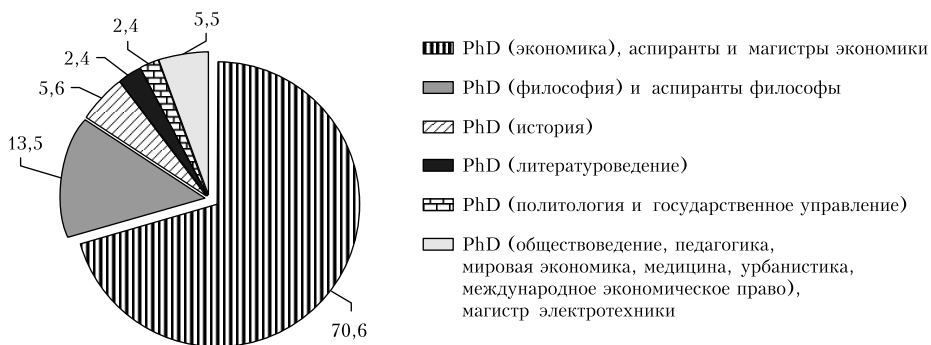

Рис. 1

пересекают предметные границы, а ИЭУ становится по-настоящему междисциплинарной отраслью знания.

Еще больше тенденцию постепенного превращения ИЭУ из «просто» экономической теории «с длинным временным горизонтом» (Goodwin, 2008) в «субдисциплину интеллектуальной истории» (Christiansen, 2013) — науки, изучающей эволюцию идей в их контексте, подчеркивают результаты изучения мест работы ее современных представителей. Традиционно считалось, что только экономист может быть хорошим специалистом в области истории экономической мысли. Следовательно, наилучшее место для занятий ИЭУ — факультеты экономики, где историк экономических учений должен следить «только за строго интеллектуальным развитием предмета» (Блауг, 1994. С. 1). Между тем в последние годы все большую популярность набирает экстерналистский взгляд на эволюцию экономической теории, предполагающий рассмотрение «того, как экономическая наука конструируется обществом» (Backhouse, 2006. Р. 219). Вполне естественно, что подобный подход делает ИЭУ привлекательной не только для экономистов, но и для философов, социологов, историков, политологов и др. Кроме того, творчество многих современных авторов в области ИЭУ скорее относится к категории *science studies*, экономической социологии и философии. Далеко не случайно многие видные историки экономических учений, «спасаясь» от свойственного мейнстриму гнета технического формализма и позитивистской риторики, нашли комфортное прибежище в департаментах философии (М. Шабас), бизнес-школах (М. Маклюр), колледжах свободных искусств (Р. Эмметт), в которых «по-прежнему ценится глубина и широта анализа» (Goodwin, 2008) и где к ним не относятся как к «болванам, корпящим в библиотеках» (McCloskey, 1980. Р. 213).

Наш анализ показал, что такого рода «миграция» отнюдь не одиночное явление. Так, 69 из 126 (54,8% от общего числа) участников рассматриваемой конференции работают не на экономических факультетах. В частности, 17 человек (13,5%) трудятся в различных бизнес-школах, по 10 — в колледжах свободных искусств и на факультетах философии/департаментах истории науки (по 7,9%), 8 (6,3%) — на факультетах международных отношений и политологии, 7 (5,6%) — в научных учреждениях, специализирующихся на изучении ИЭУ и философии экономики, по 3 — на факультетах истории и кафедрах английской словесности (по 2,4%) и т. д. (рис. 2). По всей видимости, ситуация, сложившаяся с историей экономических учений к середине 2010-х годов, подтверждает справедливость точки зрения М. Шабас и Э. Р. Вайнтрауба: «Дни (историков экономических учений. — А. М.) в качестве представителей субдисциплины экономической теории сочтены, они должны искать новый дом» (Kates, 2013. Р. 48).

Возведением нового здания истории экономической мысли, как мы видим, заняты не только экономисты. Это также косвенно подтверждают результаты анализа востребованности специализированных журналов по истории экономических учений и методологии экономической науки среди представителей различных дисциплин (табл. 1).

Основное место работы участников конференции Американского общества истории экономической науки, 2013 г. (в %)

Рис. 2

Для определения «популярности» того или иного издания по ИЭУ в различных предметных областях мы воспользовались показателями уровня значимости, рассчитываемыми исследовательской группой SCImago на основе базы данных Scopus издательства Elsevier¹⁰. В соответствии с различиями в показателях цитируемости журналы делятся на четыре категории (квартиля): Q1 (наиболее высокий) — Q4 (наиболее низкий)¹¹. В ряде случаев SCImago указывает квартили изданий в разных предметных категориях.

Т а б л и ц а 1

Цитируемость журналов по истории экономических учений и методологии экономической науки

Название журнала	Квартиль журнала в предметных категориях, 2013 г.	
	«экономика»	прочие
Economics and Philosophy	Q2	Q1 (философия)
European Journal of the History of Economic Thought	Q2	Q2 (история и философия науки); Q2 (искусство и гуманитарные науки)
History of Economic Ideas	Q4	Q4 (история); Q4 (социология и политическая наука)
History of Political Economy	Q4	Q2 (история)
Journal of Economic Methodology	Q2	—
Journal of the History of Economic Thought	Q2	Q2 (история и философия науки); Q2 (искусство и гуманитарные науки)
Politics, Philosophy and Economics	Q2	Q1 (философия); Q2 (социология и политическая наука)
Research in the History of Economic Thought and Methodology	Q4	Q4 (история и философия науки); Q4 (искусство и гуманитарные науки)

¹⁰ <http://www.scimagojr.com/journalsearch.php>.

¹¹ http://www.hse.ru/science/scifund/qvartile_2014?__prv=1.

С нашей точки зрения, данные таблицы 1, помимо подтверждения большого интереса гуманитариев к изданиям по ИЭУ (для трех журналов, выделенных полужирным шрифтом, это подкреплено более высокими «непрофильными» квартилями), фактически свидетельствуют о важных изменениях внутри самой дисциплины. Речь, главным образом, идет о смещении исследовательских предпочтений историко-экономического сообщества от изучения *идей как таковых*, то есть «выяснения, что было сказано, кто сказал это первым», к анализу *процесса создания идей*, «обретающих смысл в своих контекстах» (Neill, 2002). Навыки реконструкции интеллектуальной атмосферы, институциональных структур, социального климата и исторической среды, в которых возникла та или иная концепция, больше свойственны философам, социологам и историкам. Поэтому трудно не согласиться с Вайнтраубом, утверждающим, что в наши дни изучение истории экономических учений требует компетенций, характерных для представителей указанных профессий, в первую очередь историков науки, а отнюдь не экономистов (Weintraub, 1996). Наверное, это во многом объясняет повышенное внимание гуманитариев к, казалось бы, достаточно далекой от них проблематике и изучению формально «непрофильной» периодики.

Массированное «вторжение» обществоведов в сферу исследований прошлого экономической теории в сочетании с ростом интереса специалистов в области ИЭУ к философии науки, заимствование ими интерпретативного инструментария из работ Т. Куна и И. Лакатоса заставили говорить о появлении отдельной дисциплины — history of economics (истории экономической науки). Ее принципиальное отличие от «истории экономической мысли... осуществляющей... реконструкцию старых идей (их (ре)интерпретацию), результаты которой кладутся в основание текущих исследований», состоит в появлении собственного предмета исследования — восстановлении «подлинного смысла научной идеи или концепции... с учетом исторического контекста, задаваемого принадлежностью экономической мысли миру экономики, миру науки... и миру идеологии» (Майдачевский, 2012. С. 71—72). Хотя значительная часть экспертного сообщества достаточно критически отнеслась к этому подходу¹², тем не менее можно говорить о формировании принципиально иного раздела ИЭУ.

«Новая» история экономических учений стараниями Вайнтрауба, А. Кламера, Д. Макклоски, Ф. Мировски, Е.-М. Сент, У. Хэндса, М. Шабас и их последователей, пишущих об ИЭУ и философии экономики с позиций science studies, обрела интеллектуальную автономию от экономической теории. Заключив «альянс» с историками и философами науки, ИЭУ резко расширила свои исследовательские горизонты. Сохранив способность выполнять функции «служанки и раздражителя экономической теории», ей удалось получить возможность «демонстрировать относительность и субъективность экономических истин» (Neill, 2002), в результате чего «механизмы рождения и распространения идей... рассматриваются как социальная реальность, подверженная влиянию многообразных факторов» (Майдачевский, 2012. С. 72).

¹² Подробнее см.: Moscati, 2008; Kates, 2013.

Такие широкие научные рамки, несомненно, будут и дальше притягивать в сферу ИЭУ ученых из смежных отраслей знания, а также экономистов, ищущих в ней прибежище от присущей основному канону математической абстракции, и «беженцев» из гетеродоксальных школ экономической теории. Это вселяет надежду и придает уверенность в том, что, примкнув к «эkleктичному сообществу исследователей науки» (Weintraub, 2006) и обогатившись идеями и наработками философов, историков и социологов, ИЭУ не только сможет выжить, но и будет успешно развиваться.

Однако приходится признать: противники видения будущего ИЭУ как *history of economics* имеют на первый взгляд достаточно сильные аргументы. Так, доцент университета Инсумбрии И. Москати критикует историков экономических учений, работающих в жанре *science studies*, за изучение преимущественно культурного, академического и социально-политического фона, окружающего теоретические построения экономистов, в то время как непосредственно экономические идеи в рамках данного подхода они анализируют крайне поверхностно. С точки зрения Москати, речь, по сути, идет о полной потере связи историков мысли с экономической теорией (Moscati, 2008). Эту идею развивает преподаватель Мельбурнского университета С. Кейтс. В его трактовке сторонники превращения ИЭУ в историю экономической науки забывают о специфике ИЭУ, которая «не является изучением истории, так же как не является философией, социологией или культурологией. Это часть изучения экономики, которая не может изучаться никем, кроме экономистов, и в целом никому, кроме экономистов, не интересна» (Kates, 2013. Р. 50).

Такого рода утверждения, с нашей точки зрения, лишены достаточных оснований. Как показано выше, в наши дни история экономической мысли выступает исследовательской площадкой, где смыкаются интересы ученых едва ли не всех гуманитарных наук. Достаточно отметить вклад в ИЭУ социологов Ю. Йоная, М. Фуркад, политолога С. Амадеи, журналиста С. Назар, историков П. Кларка, К. Веннерлинда, Ф. Штерна, Х. Пирсона и многих других специалистов. Современная ИЭУ удивительно гостеприимна для «визитеров», в ней нет места дисциплинарному «эгоизму». Нужно особо подчеркнуть, что разработчики программы изучения ИЭУ как истории науки не являются «раскольниками», ратующими за полный разрыв с миром экономической теории. «Я думаю, нам удастся вызвать интерес (экономистов к ИЭУ. — А. М.), если мы получим некоторую автономию от экономической профессии, чтобы наиболее полно реализовать наши возможности», — объясняет суть своей позиции Шабас (Schabas, 2013. Р. 72). Стремление данной группы исследователей находиться рядом, но не внутри экономической ортодоксии, стало защитной реакцией на «клиофобию» мейнстрима и позволяет сохранить богатейшее наследие истории экономической мысли для будущих поколений ученых.

Новому поколению ученых в контексте методов освоения интеллектуального багажа, оставленного экономистами прошлого, посвящен следующий раздел статьи. Дело в том, что, несмотря на развернувшиеся в последние десятилетия методологические диспуты о судьбе

и методах ИЭУ¹³, в литературе крайне редко встречаются работы, посвященные отношению студентов — будущих экономистов к той или иной дисциплине. Между тем высшая школа, как абсолютно верно заметил профессор Миддлберийского колледжа Д. Коландер, «играет большую роль в определении методологии и подходов экономистов, чем мириады работ, написанных о методологии» (Colander, 2005. Р. 175). Мы решили заполнить данный пробел, опросив бакалавров, магистров и аспирантов ведущих российских экономических вузов на предмет их видения значимости ИЭУ для профессионального роста. Обобщение итогов мы предварим кратким пояснением методики и особенностей анкетирования.

История экономических учений глазами российских студентов

В ведущих странах мира ИЭУ не входит в число наиболее популярных предметов среди студентов экономических специальностей. На экономических факультетах не поощряются «чтение литературы и изучение вопросов, находящихся за пределами формально-модельного подхода» (Colander, 2007. Р. 12). Закономерно, что по итогам опроса аспирантов-экономистов лучших американских университетов, проведенного Коландером в 2002—2003 гг., к третьему году обучения лишь 3% проявляли интерес к ИЭУ и только 11% считали «широкое знание экономической литературы» очень важным для профессионального успеха (Colander, 2007. Р. 23, 25).

К сожалению, нам не знакомы аналогичные исследования применительно к студенческой аудитории России. Встречаются лишь отдельные экспертные суждения, показывающие, что российские студенты не сильно отличаются от заокеанских коллег. Например, профессор О. И. Ананьин, работающий на одной из ведущих кафедр по ИЭУ в РФ — кафедре экономической методологии и истории НИУ ВШЭ, констатирует: «Что же касается области, в которой я работаю, — истории экономической мысли, методологии экономической науки, то главная ее проблема — относительно невысокая ее популярность среди нынешних прагматически настроенных студентов» (Ананьин, 2013. С. 259). Эту позицию разделяют другие видные специалисты. Вместе с тем совершенно очевидно, что только «первичная» информация, полученная от самих обучающихся, позволит оценить, насколько российские студенты-экономисты (не) стали приверженцами «антиисторической школы ...экспертами, знающими, как обращаться с компьютерами, строить корреляции и регрессии», при этом относящимися к истории мысли «как извращенному развлечению, подходящему только людям, по-настоящему любящим средневековую латынь»

¹³ Расчеты Н. Пальмы показали, что из 1236 статей, опубликованных в 1993—2006 гг. в трех ведущих журналах по ИЭУ — *History of Political Economy*, *Journal of the History of Economic Thought* и *European Journal of the History of Economic Thought*, наибольшее количество публикаций (19,3% суммарного количества) посвящено методологии (Palma, 2007. Р. 8).

(Blaug, 2001. P. 149). Такая информация, кроме того, позволит сделать соответствующие выводы для корректировки методики преподавания.

В ноябре-декабре 2014 г. мы провели очное анкетирование¹⁴ 179 бакалавров факультета экономических наук НИУ ВШЭ, 146 бакалавров и 16 магистров факультета международных экономических отношений МГИМО (У) МИД РФ, 118 бакалавров экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 42 аспирантов РЭУ им. Г. В. Плеханова, 125 бакалавров и 35 магистров экономического факультета СПбГУ и 70 бакалавров Высшей школы экономики и менеджмента УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, которые прошли или завершают прохождение курса по истории экономических учений. В общей сложности удалось получить 731 анкету. Опросный лист состоял из 7 пунктов, уточняющих отношение аудитории к различным тенденциям в развитии ИЭУ и роли истории экономической мысли в системе выработки профессиональных навыков экономиста.

Подведение итогов анкетирования нужно начать с главного: в среднем $\frac{4}{5}$ опрошенных считают ИЭУ в той или иной степени важной для современного экономиста дисциплиной. Причем по мере перехода от бакалавриата к магистратуре и аспирантуре значимость ИЭУ в глазах респондентов возрастает. Например, если в НИУ ВШЭ 30,7% бакалавров ставит под сомнение значимость ИЭУ, то среди аспирантов РЭУ удельный вес «ИЭУ-скептиков» вдвое меньше (14,3%). В СПбГУ 85,7% магистрантов считают ИЭУ необходимой дисциплиной, а среди студентов бакалавриата этого университета разную степень «симпатии» к ИЭУ испытывают 76,8% опрошенных. Единственным исключением из закономерности «чем выше ступень образования, тем выше оценивается ИЭУ» стал МГИМО, где доля бакалавров, «лояльных» к истории экономической мысли (84,9%), оказалась в 1,2 раза больше, чем среди магистрантов (68,8%). Впрочем, это скорее всего связано с большей практической направленностью программ данного университета, представители которых были охвачены анкетированием. В целом наиболее ценящие данный предмет студенты обучаются в бакалавриате МГУ (88,1%), УрФУ (87,2%), а также в магистратуре СПбГУ (85,7%) (табл. 2).

Большинство участников опроса отвергают популярную идею перевести ИЭУ в ранг факультативной дисциплины. В среднем, 54% бакалавров, магистрантов и аспирантов отрицательно или скорее отрицательно относятся к этой идее. Наиболее решительно против статуса ИЭУ как факультатива выступают бакалавры МГУ (61%) и СПбГУ (63,2%). Единственным университетом, в котором число сторонников исключения ИЭУ из числа обязательных предметов для экономистов превысило количество противников, стал УрФУ, среди бакалавров которого это мнение поддержал каждый третий. Таким образом, российские студенты и молодые ученые не очень похожи на стереотипные

¹⁴ Выражаем искреннюю признательность В. С. Автономову, Ю. В. Автономову, И. А. Болдыреву, А. Н. Дубянскому, Е. П. Дятелу, Е. Н. Калмычковой, А. В. Ломкину, С. И. Невскому, В. А. Писемскому, В. А. Погребинской, М. Г. Покидченко, Л. С. Ревенко, Н. А. Розинской, М. А. Слудковской, С. Ф. Сутырину, Л. А. Халыковой, А. Г. Худокормову, И. Г. Чаплыгиной, Я. С. Ядгарову за помощь в организации анкетирования.

Т а б л и ц а 2

Необходимость ИЭУ для современного экономиста (в %)

Отношение	НИУ ВШЭ	МГИМО	МГИМО*	МГУ	РЭУ**	СПбГУ	СПбГУ*	УрФУ	В среднем (от общего числа анкет)
Очень высокая	12,8 (23)	21,9 (32)	18,8 (3)	20,3 (24)	19,0 (8)	23,2 (29)	20,0 (7)	17,2 (12)	18,8 (138)
Высокая	56,5 (101)	63,0 (92)	50,0 (8)	67,8 (80)	66,7 (28)	53,6 (67)	65,7 (23)	70,0 (49)	61,3 (448)
Не очень высокая	24,0 (43)	14,4 (21)	25,0 (4)	11,1 (13)	14,3 (6)	17,6 (22)	11,4 (4)	11,4 (8)	16,6 (121)
Низкая	6,7 (12)	0,7 (1)	6,2 (1)	0,8 (1)	0,0 (0)	5,6 (7)	2,9 (1)	1,4 (1)	3,3 (24)

* Магистры. ** Аспиранты.

Примечание. В скобках указано количество респондентов.

карикатуры, часто изображающие экономистов в качестве математических «фриков», полностью игнорирующих историю (табл. 3).

Правда, высокая оценка значимости ИЭУ не мешает респондентам ставить хорошую осведомленность в этой области на последнее по значимости место среди всех компетенций экономиста. Так, только 10% бакалавров УрФУ и 8% бакалавров СПбГУ назвали знание истории экономической мысли важным навыком. Среди аспирантов РЭУ доля считающих ИЭУ полезной для профессиональной деятельности составляет всего 4,8%. По всей видимости, знание этой дисциплины рассматривается студентами и начинающими учеными как важная составляющая гума-

Т а б л и ц а 3

Отношение к переводу ИЭУ в статус факультатива (в %)

Университет	Положительное	Скорее положительное	Нейтральное	Скорее отрицательное	Отрицательное
НИУ ВШЭ	16,8 (30)	12,8 (23)	15,6 (28)	29,1 (52)	25,7 (46)
МГИМО	8,2 (12)	14,4 (21)	22,6 (33)	31,5 (46)	23,3 (34)
МГИМО*	6,2 (1)	12,5 (2)	25,0 (4)	25,0 (4)	31,3 (5)
МГУ	6,8 (8)	11,0 (13)	21,2 (25)	31,3 (37)	29,7 (35)
РЭУ**	4,8 (2)	23,8 (10)	28,6 (12)	28,6 (12)	14,2 (6)
СПбГУ	8,0 (10)	9,6 (12)	19,2 (24)	37,6 (47)	25,6 (32)
СПбГУ*	11,4 (4)	11,4 (4)	22,9 (8)	37,2 (13)	17,1 (6)
УрФУ	8,6 (6)	24,3 (17)	38,6 (27)	21,4 (15)	7,1 (5)
В среднем (от общего числа анкет)	10,0 (73)	14,0 (102)	22,0 (161)	30,9 (226)	23,1 (169)

* Магистры. ** Аспиранты.

Примечание. В скобках указано количество респондентов.

нитарной подготовки, а не как сугубо экономическое знание. Как удачно заметил профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе А. Лейонхуфвуд, «курсы по ИЭУ расцениваются экономистами так же, как курсы по обеденному этикету в военных академиях. Офицер, конечно, должен быть джентльменом, но его манеры никак не связаны с его тактическими навыками на поле боя» (цит. по: Theocarakis, 2014. Р. 13). Поэтому, наверное, нет ничего удивительного в том, что участники анкетирования рассматривают ИЭУ как некий элемент интеллектуального досуга, не способный конкурировать с владением математическим аппаратом в иерархии профессиональных навыков. Так, математическое мастерство считают ключевой компетенцией 16% опрошенных, а доля ставящих ИЭУ на первое место в структуре профессиональных навыков не превышает 7,2% (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Главные навыки экономиста (в %)

Компетенция	НИУ ВШЭ	МГИМО	МГИМО*	МГУ	РЭУ**	СПбГУ	СПбГУ*	УрФУ	В среднем (от общего числа анкет)
Владение математическим аппаратом	20,1 (36)	11,0 (16)	12,5 (2)	8,5 (10)	19,0 (8)	20,0 (25)	22,9 (8)	17,1 (12)	16,0 (117)
Знание микро- и макроэкономики	27,4 (49)	45,2 (66)	37,5 (6)	38,1 (45)	40,5 (17)	35,2 (44)	22,9 (8)	42,9 (30)	36,3 (265)
Хорошая осведомленность в области ИЭУ	8,9 (16)	6,1 (9)	6,2 (1)	5,9 (7)	4,8 (2)	8,0 (10)	2,8 (1)	10,0 (7)	7,2 (53)
Навыки эмпирических исследований	20,1 (36)	10,3 (15)	12,5 (2)	16,1 (19)	14,3 (6)	12,8 (16)	20,0 (7)	8,6 (6)	14,6 (107)
Широкий кругозор в сфере экономической истории, прецедентов и психологии	23,5 (42)	27,4 (40)	31,3 (5)	31,4 (37)	21,4 (9)	24,0 (30)	31,4 (11)	21,4 (15)	25,9 (189)

* Магистры. ** Аспиранты.

Примечание. В скобках указано количество респондентов.

При столь высоком уровне симпатий к царице всех наук вполне объяснимо преимущественно положительное отношение респондентов к математизации ИЭУ (табл. 5). Скорее всего желание молодых экономистов математизировать и ИЭУ вызвано потребностью адаптировать идейный багаж экономической теории к более понятному им языку графиков и греческих букв. По сути, указывая на целесообразность математической формализации ИЭУ, они признают те же трудности, что и именитый ученый Ромер: «По правде говоря, очень сложно возвращаться к старым текстам, где экономические идеи излагаются исключительно вербально» (цит. по: Laidler, 2001. Р. 2).

Впрочем, потребность в математических «костылях» не мешает большинству студентов и аспирантов осознавать значимость произведений, написанных задолго до придания экономической науке «точного» характера во второй половине XX в. Ни в одном вузе и ни на одной

образовательной ступени удельный вес желающих свести изучение ИЭУ к рассмотрению концепций максимум полувековой давности не превысил долю тех, что ценит теории более ранних периодов (табл. 6).

Т а б л и ц а 5

**Отношение к математизации
истории экономических учений (в %)**

Университет	Положи- тельное	Скорее поло- жительное	Нейтраль- ное	Скорее отри- цательное	Отрица- тельное
НИУ ВШЭ	11,2 (20)	31,8 (57)	31,8 (57)	18,4 (33)	6,8 (12)
МГИМО	15,1 (22)	32,8 (48)	29,5 (43)	19,2 (28)	3,4 (5)
МГИМО*	0 (0)	25,0 (4)	43,8 (7)	25,0 (4)	6,2 (1)
МГУ	9,3 (11)	23,7 (28)	28,0 (33)	31,4 (37)	7,6 (9)
РЭУ**	16,7 (7)	42,8 (18)	28,6 (12)	9,5 (4)	2,4 (1)
СПбГУ	8,0 (10)	20,0 (25)	36,8 (46)	23,2 (29)	12,0 (15)
СПбГУ*	11,4 (4)	40,0 (14)	22,9 (8)	20,0 (7)	5,7 (2)
УрФУ	5,7 (4)	40,0 (28)	30,0 (21)	17,1 (12)	7,2 (5)
В среднем (от общего числа анкет)	10,7 (78)	30,4 (222)	31,0 (227)	21,1 (154)	6,8 (50)

* Магистры. ** Аспиранты.

Примечание. В скобках указано количество респондентов.

Т а б л и ц а 6

**Отношение к ограничению изучения ИЭУ
рассмотрением концепций 30—50-летней давности (в %)**

Университет	Положи- тельное	Скорее поло- жительное	Нейтраль- ное	Скорее отри- цательное	Отрица- тельное
НИУ ВШЭ	11,7 (21)	13,4 (24)	20,7 (37)	36,3 (65)	17,9 (32)
МГИМО	3,4 (5)	11,6 (17)	19,2 (28)	48,6 (71)	17,2 (25)
МГИМО*	0,0 (0)	6,2 (1)	25,0 (4)	43,8 (7)	25,0 (4)
МГУ	5,1 (6)	8,5 (10)	14,4 (17)	41,5 (49)	30,5 (36)
РЭУ**	7,1 (3)	11,9 (5)	16,7 (7)	38,1 (16)	26,2 (11)
СПбГУ	8,0 (10)	16,8 (21)	19,2 (24)	32,8 (41)	23,2 (29)
СПбГУ*	5,7 (2)	25,7 (9)	22,9 (8)	40,0 (14)	5,7 (2)
УрФУ	8,6 (6)	20,0 (14)	32,8 (23)	32,8 (23)	5,8 (4)
В среднем (от общего числа анкет)	7,3 (53)	13,8 (101)	20,2 (148)	39,1 (286)	19,6 (143)

* Магистры. ** Аспиранты.

Примечание. В скобках указано количество респондентов.

Похоже, анкетлируемые интуитивно ощущают, что поддерживать кумулятивный рост экономического знания гораздо сложнее, чем в естественных науках. Лишь треть опрошенных разделяют так называемый «виговский» взгляд на эволюцию ИЭУ, согласно которому все полезные и «правильные» теоретические наработки прошлого уже описаны в последних трудах, а прогресс в экономической науке носит линейный характер «от ошибочных идей к истинным». Напротив, $\frac{2}{3}$ участников анкетирования придерживаются противоположных — антивиговских воззрений. По их мнению, учения минувших дней не следует сравнивать с современными концепциями, они заслуживают самостоятельного анализа в свете исторических реалий, явивших их на свет. Это означает, что в стенах российских университетов учатся преимущественно сторонники «исторических реконструкций» ИЭУ, не стремящиеся абстрагироваться от социально-экономического окружения, занимаясь исследованиями прогресса техники и методов экономического анализа (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Востребованность подходов к изучению ИЭУ (в %)

Способы реконструирования прошлого экономической науки	НИУ ВШЭ	МГИМО	МГИМО*	МГУ	РЭУ**	СПбГУ	СПбГУ*	УрФУ	В среднем (от общего числа анкет)
Переход от «ошибочных» теорий прошлого к более современным и «правильным» концепциям	45,8 (82)	24,0 (35)	31,2 (5)	18,6 (22)	28,6 (12)	19,2 (24)	28,6 (10)	41,4 (29)	30,0 (219)
По принципу «каждая теория хороша для своего времени»	54,2 (97)	76,0 (111)	68,8 (11)	81,4 (96)	71,4 (30)	80,8 (101)	71,4 (25)	58,6 (41)	70,0 (512)

* Магистры. ** Аспиранты.

Примечание. В скобках указано количество респондентов.

Неудивительно, что 94,8% участников опроса нуждаются в контекстуализации ИЭУ (табл. 8). Несмотря на доминирующую в современной историографии установку на анализ ИЭУ с высоты нашего времени, подавляющее большинство опрошенных настаивает на необходимости рассматривать экономические концепции прошлого на фоне современного им социально-исторического ландшафта. Иными словами, российские студенты и аспиранты готовы к изучению ИЭУ как интеллектуальной истории, то есть с учетом воздействия на экономическую мысль «духа времени, социальной обстановки, экономических институтов и философских течений» (цит. по: Samuels et al., 2004. Р. 256).

Как видим, участники опроса подспудно соглашались с Дж. К. Гэлбрейтом, утверждавшим, что «экономические идеи всегда являются продуктом своего времени и места, поэтому не могут рассматриваться отдельно от среды, которую интерпретируют» (Galbraith, 1987. Р. 1). Другими словами, ИЭУ выступает своеобразным гуманитарным

**Необходимость рассматривать социально-исторический контекст,
в котором возникла та или иная экономическая концепция,
для изучения ИЭУ (в %)**

Университет	Очень высокая	Высокая	Не очень высокая	Низкая
НИУ ВШЭ	48,6 (87)	43,0 (77)	5,0 (9)	3,4 (6)
МГИМО	56,8 (83)	39,7 (58)	3,5 (5)	0,0 (0)
МГИМО*	68,8 (11)	31,2 (5)	0,0 (0)	0,0 (0)
МГУ	61,1 (72)	35,6 (42)	2,5 (3)	0,8 (1)
РЭУ**	69,0 (29)	28,6 (12)	2,4 (1)	0,0 (0)
СПбГУ	59,2 (74)	36,8 (46)	4,0 (5)	0,0 (0)
СПбГУ*	45,7 (16)	51,4 (18)	2,9 (1)	0,0 (0)
УрФУ	40,0 (28)	50,0 (35)	10,0 (7)	0,0 (0)
В среднем (от общего числа анкет)	54,7 (400)	40,1 (293)	4,2 (31)	1,0 (7)

* Магистры. ** Аспиранты.

Примечание. В скобках указано количество респондентов.

«оазисом», где можно не только узнать о концепциях прошлого, но и через знакомство с историей экономической мысли приобщиться к богатству и многообразию контекстов, сформировавших те или иные экономические идеи. Поэтому преподавателям не следует поощрять стремление студентов и аспирантов смотреть на ИЭУ через математические «очки». ИЭУ нужно рассматривать как путешествие в прошлое, а не как лекцию по математике, где «концепция роста Адама Смита изображена в виде системы трех уравнений, а мальтузианская теория народонаселения выражена двумя дифференциальными уравнениями» (Blaug, 2001. Р. 151). Современным экономистам, говорящим на языке царицы наук, безусловно, сложно дается чтение текстов, не содержащих математических символов и графиков. Отсюда вытекает новая важная задача ИЭУ — вооружить студентов-экономистов вторыми, гуманитарными «линзами». Для этого преподавателю, как метко заметил профессор Гриннеллского колледжа Б. Бэйтман, надо посадить студента «на одно бревно с Адамом Смитом», то есть «поместить слова Смита в контекст» (Bateman, 2002).

Результаты проведенного нами анкетирования позволяют с оптимизмом смотреть на перспективы решения этой задачи в России. На положительный исход «работает», прежде всего, практически единодушная готовность студенческой и аспирантской аудитории рассматривать ИЭУ именно с «контекстуальной» точки зрения. Кроме того, в нескольких случаях участники опроса на полях анкеты напротив пункта о необходимости анализа контекста для изучения ИЭУ оставили комментарии: «нас так и учат», «по-другому будет непонятно». Это свидетельствует о том, что российские специалисты умеют усаживать

студентов на одно «бревно» с мыслителями прошлого. Примечательно, что все эти «заметки» принадлежат студентам экономического факультета МГУ, обучающимся в группе повышенной академической нагрузки. Им в рамках эксперимента читают специальный курс, в котором сочетаются ИЭУ и экономическая история. Представляется, что такой «синтез», где ИЭУ рассматривается на фоне эволюции хозяйственной системы, можно считать очень удачным. Подобного рода контекстуализированная история экономической мысли сможет выступить в роли прививки от превращения студента/аспиранта в экономиста-саванта — специалиста с блестящими и крайне необходимыми математическими способностями, но дилетанта в сфере истории и философии.

* * *

Вторая половина XX в. стала непростым временем для ИЭУ. Представители мейнстрима объявили экономическую теорию точной наукой, не испытывающей потребности в знании своего прошлого. В конце XX в. группа специалистов в области истории экономической мысли, поняв, что бесперспективно стучаться в закрытые двери башни из слоновой кости, в которой заперлось «основное течение», запустила программу «выхода» — exit strategy — из экономической теории. Этот «исход» следует признать успешным. За несколько десятилетий энтузиастам удалось создать «новую» историю экономических учений, тесно связанную с science studies, философией и социологией, которая привлекла в сферу ИЭУ сторонников из гуманитарных наук.

Их стараниями история экономической мысли перестала быть «чуланом», куда экономист-теоретик изредка заглядывал в поисках исторических специй к своему изысканному математическому блюду. Распрощавшись с ролью падчерицы экономической теории, сблизившись с историками науки, философами и социологами, ИЭУ XXI в. предлагает совершить увлекательное путешествие в прошлое, реконструировать экономические концепции в современных им институциональных, исторических, идейно-политических реалиях. Методологический плюрализм в сочетании с мультидисциплинарностью анализируемых контекстов, в которых появляются экономические идеи, выступает залогом притока в ИЭУ новых кадров — как «эмигрантов» из неортодоксальных течений экономической теории, так и «гостей» из других дисциплин, позволяя с оптимизмом смотреть в будущее.

Однако нужна ли такая «неэкономическая» ИЭУ экономистам? Ведь традиционно считается, что они интересуются в крайнем случае историей экономического анализа, то есть очищенным от контекстуальной «шелухи» описанием эволюции технических средств и приемов изучения хозяйственной системы. Например, один из современных классиков в области ИЭУ, профессор Бирмингемского университета Р. Бэкхаус предупреждает сторонников исторических реконструкций: «Экономисты могут не захотеть слушать вас» (Backhouse, 1996. Р. 45). Результаты нашего анкетирования студентов и аспирантов ведущих экономических факультетов РФ свидетельствуют об обратном.

Ни один пункт опросного листа не вызвал такого единодушия, как вопрос о необходимости контекстуализации ИЭУ. Практически 95% участников опроса солидарны во мнении: экономические идеи следует рассматривать в связи с их контекстами. С нашей точки зрения, это со всей очевидностью свидетельствует о том, что именно такой «гуманитарный» взгляд на ИЭУ представляется наиболее перспективным.

Список литературы / References

- Автономов В. С. (2001). История от Шумпетера (предисловие к русскому изданию) // Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа. С. IX–XII. [Avtonomov V. S. (2001). History from Schumpeter (preface to the Russian edition) In: Y. A. Shumpeter. *History of Economic Analysis*. St. Petersburg: Ekonomicheskaya Shkola, pp. IX–XII. (In Russian).]
- Ананьин О. И. (2013). Олег Ананьин: Учителя // Поколения ВШЭ. Учителя об учителях. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 253–259. [Ananyin O. I. (2013). Oleg Ananyin: Teachers. In: *HSE generations. Teachers about teachers*. Moscow: HSE Publ., pp. 253–259. (In Russian).]
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело. [Blaug M. (1994). *Economic theory in retrospect*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Майдачевский Д. Я. (2011). Плюрализм подходов в историографии экономической науки: интеллектуальная история // Историко-экономические исследования. Т. 12, № 3. С. 5–15. [Maydachevskiy D. Ya. Pluralism of approaches in the historiography of economic science: an intellectual history. *Istoriko-ekonomicheskie Issledovaniya*, Vol. 12, No. 3, pp. 5–15. (In Russian).]
- Майдачевский Д. Я. (2012). Историография экономической науки: от плюрализма подходов к господству «мейнстрима»? // Terra Economicus. Т. 10. № 2. С. 66–74. [Maydachevskiy D. Ya. (2012). Historiography of economics: from pluralism of approaches to the domination of “mainstream”? *Terra Economicus*, Vol. 10, No. 2, pp. 66–74. (In Russian).]
- Майровски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // Terra Economicus. Т. 10. № 1. С. 100–116. [Mirowski Ph. Physics and the “marginal revolution”. *Terra Economicus*, Vol. 10, No. 1, pp. 100–116. (In Russian).]
- Полтерович В. М. (2011). Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. № 2. С. 101–111. [Polterovich V. M. (2011). Making of general social analysis. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 2, pp. 101–111. (In Russian).]
- Роббинс Л. (2013). История экономической мысли. Лекции в Лондонской школе экономики. М.: Издательство Института Гайдара. [Robbins L. (2013). *History of economic thought. Lectures at the London school of economics*. Moscow: Gaydar Institute Publ. (In Russian).]
- Alvey J. E. (2005). *Overcoming positivism in economics: Amartya Sen's project of infusing ethics into economics* (Discussion Paper No. 05.03). Palmerston North: Massey University Department of Applied and International Economics.
- Amadae S. M. (2003). *Rationalizing capitalist democracy: The cold war origins of rational choice liberalism*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ashenfelter O. (2011). Economic history or history of economics? A review essay on Sylvia Nasar's grand pursuit: the story of economic genius. *IZA Discussion Papers*. No. 6213.
- Aslanbeigui N., Naples M. I. (1997). The changing status of the history of thought in economics curricula. In: N. Aslanbeigui, Y. B. Choi (eds.). *Borderlands of economics: essays in honor of Daniel R. Fustfeld*. London; N. Y.: Routledge, pp. 125–150.
- Backhouse R. (1996). *Interpreting macroeconomics: Explorations in the history of macroeconomic thought*. London; N. Y.: Routledge.

- Backhouse R. (2006). Economics, Sociology of. In: J. Beckert, M. Zafirovski (eds.). *International encyclopedia of economic sociology*. London; N.Y.: Routledge, pp. 216–221.
- Bateman B. (2002). Sitting on a log with Adam Smith: the future of the history of economic thought at the liberal arts colleges. *History of Political Economy*, Vol. 34, No. 4, Annual supplement, pp. 17–34.
- Bhaskar R., Lawson T. (1998). Introduction: Basic texts and developments. In: M. Archer, R. Bhaskar, A. Collier, T. Lawson, A. Norrie (eds.). *Critical realism: essential readings*. London; N.Y.: Routledge, pp. 3–15.
- Blaug M. (2001). No history of ideas, please, we're economists. *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 15, No. 1, pp. 145–164.
- Boettke P.J. (2001). *Calculation and coordination: essays on socialism and transitional political economy*. London, N.Y.: Routledge.
- Boettke P. J., Coyne C. J., Leeson P. T. (2014). Earw(h)ig: I can't hear you because your ideas are old. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 38, No. 3, pp. 531–544.
- Brauninger M., Haucap J. (2003). Reputation and relevance of economics journals. *Kyklos*, Vol. 56, No. 2, pp. 175–198.
- Caldwell B. (2013). On positivism and the history of economic thought. *Southern Economic Journal*, Vol. 79, No. 4, pp. 753–767.
- Colander D. (2005). The making of an economist redux. *The Journal of Economic Perspectives*, Vol. 19, No. 1, pp. 175–198.
- Colander D. (2007). *The making of an economist, redux*. Princeton: Princeton University Press.
- Corry B. (2000). Reflections of the history of economic thought or “a trip down memory lane”. In: N. Murphy, R. Prendergast (eds.). *Contributions to the history of economic thought: essays in honour of R. D. C. Black*. London: Routledge, pp. 55–69.
- DeLong J. B. (2011). *Bretton Woods blogging: old economic thinking is new, Or is it that new economic thinking is old?* April 10. URL <http://delong.typepad.com/sdj/2011/04/bretton-woods-blogging-old-economic-thinking-is-new-or-is-it-that-new-economic-thinking-is-old.html>.
- Emmett R. B. (ed.). (1999). *Selected essays by F. Knight*. Vol. 1. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Fourcade M. (2009). *Economists and societies: discipline and profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press.
- Galbraith J. K. (1987). *Economics in perspective: a critical history*. Boston: Houghton Mifflin.
- Giraud Y., Duarte P. G. (2014). Chasing the B: a bibliographic account of economics' relation to its past, 1991–2011. *THEMA Working Papers*. No. 2014-09.
- Goodwin C. D. (2008). History of economic thought. In: S. N. Durlauf, L. E. Blume (eds.). *The new Palgrave dictionary of economics*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Christiansen O. (2013) From the “history of economic thought” to “economic intellectual history”. *Ideas in History*, Vol. 6, No. 2, pp. 11–36.
- Groenewegen P. (2003). Teaching the history of economic thought at the university of Sydney: Some reflections. *History of Economics Review*, Vol. 37, pp. 109–125.
- Henderson W., Samuels W. J. (2004). The etiology of Adam Smith's division of labor: alternative accounts and Smith's methodology applied to them. In: W. J. Samuels, W. Henderson, K. D. Johnson, M. Johnson (eds.). *Essays on the history of economics*. London; N.Y.: Routledge, pp. 8–71.
- Kates S. (2013). *Defending the history of economic thought*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Kates S. (2014). The history of economic thought and its enemies. Unpublished manuscript. Melbourne: RMIT University. URL <http://www.vu.edu.au/sites/default/files/cses/pdfs/kates-paper.pdf>.
- Krugman P. (2012). Minsky and methodology (Wonkish). *New York Times*. March 27.
- Kurz H. D. (2006). Whither the History of Economic Thought? Going Nowhere Rather Slowly? *European Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 13, No. 4, pp. 463–488.

- Kurz H.D. (2013). On the dismal state of a dismal what? In: R. Kuroki (ed.). *Keynes and modern economics*. N.Y.: Routledge, pp. 50–66.
- Laidler D. (2001). The role of the history of economic thought in modern macroeconomics. *UWO Department of Economics Working Papers*. No. 20016.
- Lee F.S. (2006). The ranking game, class and scholarship in American mainstream economics. *Australasian Journal of Economics Education*, Vol. 3, No. 1-2, pp. 1–41.
- Lodewijks J. (2014). *What price is the history of economics?* March 7. URL <http://economicstudents.com/2014/03/what-price-the-history-of-economics/>.
- Lovell M. C. (1973). The production of economic literature: an interpretation. *Journal of Economic Literature*, Vol. 11, No. 1, pp. 27–52.
- Mankiw G. (2006). Austrian economics. URL <http://gregmankiw.blogspot.ru/2006/04/austrian-economics.html>
- Marcuzzo M.C. (2008). Is history of economic thought a “serious” subject? *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*, Vol. 1, No. 1, pp. 107–123.
- McLure M. (2001). *Pareto, economics and society: the mechanical analogy*. L.: Routledge.
- McCloskey D.N. (1980). Scattering in open fields: a comment. *Journal of European Economic History*, Vol. 9, No. 1, pp. 209–214.
- McCloskey D. N. (1998). *The rhetoric of economics*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Mirowski P. (2005). A revisionist’s view of the history of economic thought. *Challenge*, Vol. 48, No. 5, pp. 79–94.
- Mirowski P. (2012). The unreasonable efficacy of mathematics in modern economics. In: U. Mäki (ed.). *Philosophy of economics*. Amsterdam: Elsevier, pp. 159–199.
- Moscato I. (2008). More economics, please: we’re historians of economics. *Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 30, No. 1, pp. 85–92.
- Neill R. (2002). J. J. Spengler’s new history of economics. From hope to acceptance. Unpublished manuscript. URL http://people.ypei.ca/rneill/web_papers/newhi-sec.html.
- Palma N. (2007). History of economics or a selected history of economics? *MPRA Papers*. No. 5111.
- Ravier A. (2010). The history of thought in the education of an economist. *Laissez-Faire*, No. 33, pp. 54–57.
- Roncaglia A. (2014). Should the history of economic thought be included in undergraduate curricula. *Economic Thought*, Vol. 3, No. 1, pp. 1–9.
- Samuels W. J., Johnson K. D., Johnson M. (2004). What the authors of history-of-economic-thought textbooks say about the history of economic thought. In: W. J. Samuels, W. Henderson, K. D. Johnson, M. Johnson (eds.). *Essays on the history of economics*. London: Routledge, pp. 187–271.
- Sen A. (2012). *Amartya Sen on the state of modern economics*: [An interview]. URL <http://larspsyll.wordpress.com/2012/07/24/amartya-sen-on-the-state-of-modern-economics/>.
- Skidelsky R. (2009). *Keynes: the return of the master*. London: Allen Lane.
- Schabas M. (1992). Breaking away: history of economics as history of science. *History of Political Economy*, Vol. 24, No. 1, pp. 187–203.
- Schabas M. (2013). The oeconomy of nature: an interview with Margaret Schabas. *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*, Vol. 6, No 2, pp. 66–77.
- Stigler G. (1982). Does economics have a useful past? In: G. Stigler. *The economist as preacher and other essays*. Chicago: University of Chicago Press.
- Szenberg M., Ramrattan L., Gottesmann A. A. (2006). Introduction: The Significance of Paul Samuelson in the Twenty First Century. In: M. Szenberg, L. Ramrattan, A. A. Gottesmann (eds.). *Samuelsonian Economics and the Twenty-First Century*. Oxford: Oxford University Press.
- Theocarakis N. J. (2014). A commentary on Alessandro Roncaglia’s paper: “Should the history of economic thought be included in undergraduate curricula?” *Economic Thought*, Vol. 3, No. 1, pp. 10–20.

- Thoma M. (2011). Re-Kindleberger. April 10. URL <http://economistsview.typepad.com/economistsview/2011/04/re-kindleberger.html>.
- Weintraub E. R. (1996). Legitimate contribution to H of E. Unpublished manuscript.
- Weintraub E. R. (2001). Making economic knowledge: reflections on Golinski's constructivist history of science. *Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 23, No. 2, pp. 277–283.
- Weintraub E. R. (2006). *Economic science wars*. Adolph Blanqui Plenary Lecture at the European History of Economics Society Meetings, Porto, Portugal, April 30.
- Weintraub E. R. (2007). Economics science wars. *Journal of the History of Economic Thought*, Vol. 29, No. 3, pp. 267–282.
- Weintraub E. R. (2012). *Telling the story of MIT economics in the 1940s*. Unpublished manuscript. Durham: Duke University, October 8. URL <http://public.econ.duke.edu/~erw/190/MIT-Contexts-Berlin.pdf>.
-

History of Economic Thought, Quo vadis?

Alexander Maltsev

Author affiliation: Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia).
Email: almalzev@mail.ru.

The paper demonstrates that economists lose interest in the study of the history of economic thought (HET). The roots that have affected the move of the HET to the periphery of the mainstream research preferences are analyzed. Based on a review of the current situation in the field of HET studies, the author shows that the field is gradually moving from the realm of the “pure” economics to converge with other humanities. The results of the survey of undergraduate and graduate students of the leading Russian universities confirm this trend. Saving HET in the economics curriculum requires deepening its integration with other social sciences.

Keywords: history of economic thought, economic education, positivism, structure of current economics.

JEL: B10, B40.